

«Северный поток - 2»: к вопросу об оценке «политической целесообразности» проекта

Вокруг реализации морского газотранспортного проекта «Северный поток - 2», инициированного в сентябре 2015 года*1, в Европейском Союзе не утихают жаркие дебаты.

Сторонники проекта указывают на то, что он увеличивает энергетическую безопасность ЕС за счет появления нового, более безопасного, короткого и эффективного маршрута доставки российского газа на европейский рынок.*2 Крупные западноевропейские компании: немецкие БАСФ и «Юнипер» (бывший Э.ОН), французская «Энжи», австрийская О-Эм-Фау и англо-голландская «Шелл» выразили наряду с российским «Газпромом» интерес напрямую участвовать в нем.

В то же время, такие институты Европейского Союза, как Европейская Комиссия (Комиссия), Европейский Парламент (Парламент), солидаризировавшись с рядом государств Восточной Европы, проявляют к проекту в целом негативное отношение.

По мнению противников проекта, он не соответствует целям и принципам Энергетического союза, создает риски для энергетической безопасности ЕС, поскольку не открывает доступа к новому источнику поставки, а кроме того, подрывает солидарность ЕС с Украиной, которая, в случае его пуска, лишится статуса государства-транзитера российского газа и утратит источник дохода в виде транзитных платежей.*3

На этом фоне предметом дискуссии стали вопросы о том, применяется ли к «Северному потоку - 2» Третий энергетический пакет ЕС (ТЭП), и может ли Комиссия заблокировать его реализацию под предлогом несоответствия ряду ключевых положений ТЭП. В рамках этой дискуссии озвучиваются полярные оценки по вопросу применимости к проекту ТЭП*4 и, главным образом, входящей в ТЭП Третьей газовой директивы.*5

Из сообщений СМИ стало известно, что в феврале 2016 года произошел раскол в правовой оценке проекта между Генеральным директоратом по энергетике и Юридической службой Комиссии. Юридическая служба в своем заключении заявила о неприменимости ТЭП к проекту, а Директорат по энергетике не согласился с данным выводом.*6 При этом Директорат по энергетике указал, что вопрос применимости ТЭП к проекту является *«в большей степени политическим, чем правовым»*.*7

Чуть более года спустя, в марте 2017-го, СМИ сообщили о том, что Федеральное сетевое агентство Германии заявило об отсутствии оснований для применения к проекту положений ТЭП, выразив тем самым несогласие с позицией Директората Комиссии по энергетике.*8

В рамках анализа перспектив проекта представляется важным рассмотреть вопрос о взаимодействии политической и правовой оценок проекта и их влияния на его практическую реализацию.

Проверка проекта на соответствие «целям и принципам» Энергетического союза

Политическая позиция ЕС в отношении проекта «Северный поток – 2» с различными нюансами проявляется в официальных документах и публичных заявлениях должностных лиц институтов ЕС.

В отчете о состоянии Энергетического союза, опубликованном Комиссией в ноябре 2015 года, отмечено: «Комиссия принимает во внимание планы коммерческих компаний построить новые трубопроводы, соединяющие Россию и Германию через Балтийское море... Если они будут построены, ...они не дадут доступа к новому источнику поставки и приведут к дальнейшему увеличению мощностей транспортировки из России в ЕС.. . Эти трубопроводы должны полностью подчиняться праву ЕС. Комиссия будет оценивать любой такой проект на соответствие европейскому регулированию. *ЕС будет поддерживать лишь те инфраструктурные проекты, которые соответствуют ключевым принципам Энергетического союза, включая стратегию по обеспечению энергетической безопасности*». [*9](#)

В свою очередь высший политический орган ЕС – Европейский Совет, рассмотрев отчет о состоянии Энергетического союза, в декабре 2015 года призвал к тому, чтобы «любая новая инфраструктура полностью соответствовала Третьему энергетическому пакету и другому применимому законодательству ЕС, а также целям Энергетического союза». [*10](#)

Из данных пассажей следует, что при оценке проекта «Северный поток – 2» Евросоюз намерен руководствоваться не только законодательством, но также некими «принципами» и «целями» Энергетического союза. Иными словами, ЕС взял курс на оценку политической целесообразности проекта, при этом выразив намерение распространить такую практику на «любую новую инфраструктуру».

С применением такого подхода связаны следующие трудности.

Во-первых, цели и принципы Энергетического союза, – инициативы, запущенной Комиссией в 2014 году, не определены. Стратегия Энергетического союза, опубликованная в феврале 2015 года, не использует термины «цели» и «принципы», а оперирует исключительно понятием «измерения». [*11](#) Включая в число принципов Энергетического союза «стратегию по обеспечению энергетической безопасности», Комиссия, вероятно, имеет в виду свой программный документ 2014 года, в котором зависимость от поставок российского газа представлена как основной вызов для современной энергетической безопасности ЕС. [*12](#) Однако данный документ не имеет прямого отношения к стратегии Энергетического союза, а его искусственное включение в число несформулированных принципов Энергетического союза не делает картину более ясной, так как оставляет открытым вопрос, какое конкретно его положение следует рассматривать в качестве принципа – т.е. ключевого правила – Энергетического союза.

Во-вторых, даже если цели и/или принципы Энергетического союза были бы определены (предположим, они были бы равнозначны «измерениям», указанным в стратегии Энергетического союза), не установлено, кто (ЕС или государства-члены) должен проводить оценку соответствия проекта этим целям и/или принципам, и отсутствуют объективные

критерии проведения такой оценки.

В-третьих, оставлен открытым вопрос о последствиях несоответствия проекта целям и/или принципам Энергетического союза. Исходя из упомянутого отчета Комиссии о состоянии Энергетического союза, проект, соответствующий законодательству, но не отвечающий целям и/или принципам Энергетического союза, не может претендовать на поддержку со стороны ЕС, что, разумеется, не равнозначно запрету на его реализацию.

Представляется, что основная проблема, связанная с выраженной в декларативных документах ЕС идеей проверки проекта на политическую целесообразность, состоит в том, что, не имея правового содержания, она не порождает юридических последствий, но, в то же время, открывает дорогу для разнообразных политических спекуляций.

Характерны в этой связи многочисленные заявления чиновников Евросоюза и представителей различных государств-членов ЕС, которые оценивают проект «Северный поток - 2» на соответствие целям и/или принципам Энергетического союза, руководствуясь субъективным и зачастую весьма спорным пониманием этих категорий.

В качестве примера можно привести заявление заместителя председателя Комиссии по вопросам Энергетического союза М. Шефчовича о том, что «Северный поток - 2» «не соответствует ключевым целям Энергетического союза, которые призывают к диверсификации маршрутов и источников...».*13 Похожую точку зрения высказал член Еврокомиссии по делам энергетики А. Каньете, добавивший, что «Северный поток - 2» «никогда не сможет стать проектом общего интереса».*14

Наиболее радикальная оценка «Северного потока - 2» прозвучала в стенах Парламента, где он был назван «проектом-убийцей».*15, а указанный институт призвал «государства-члены ЕС полностью использовать транзитный потенциал Украины... и избегать строительства новых трубопроводов в обход Украины, в частности... «Северного потока - 2», который «может оказаться разрушительным для стратегии ЕС по диверсификации источников поставки и для права ЕС».*16

В свою очередь, ряд государств-членов ЕС из Центральной и Восточной Европы сначала в ноябре 2015 года*17, а затем в марте 2016 года*18 направили в Комиссию письмо с критикой «Северного потока - 2». По мнению этих государств, проект нарушает цели энергетической политики ЕС, а также подрывает солидарность с Украиной, рискующей вследствие реализации проекта утратить доходы от транзита российского газа. Среди подписавших письмо стран наиболее влиятельную группу составляют транзитеры российского газа, критическая позиция которых, как представляется, обоснована не столько заботой об Украине, сколько опасением потерять собственные транзитные доходы в случае переориентации потоков российского газа на «Северный поток - 2».

Указанная позиция нашла понимание у словака М.Шефчовича, который заявил о «неприемлемости» инфраструктурных проектов, направленных на «постепенное опустошение украинского транзитного маршрута».*19

Отвечает ли стремление ЕС сохранить Украину в качестве важного транзитного коридора соображениям энергетической безопасности?

Обобщая заявления представителей ЕС, можно сделать вывод, что их основной смысл в том, что новый инфраструктурный проект по доставке газа в Евросоюз считается политически не целесообразным, если он:

1. Диверсифицирует только маршруты, но не источники поставки.
2. Предполагает отказ от транзита газа через территорию Украины.

В рамках данной логики ставится под вопрос политическая целесообразность реализации любых новых проектов по доставке в ЕС российского газа, включая, но, не ограничиваясь, проектом «Северный поток – 2».

Данная логика имеет очевидные дефекты, детальный анализ которых выходит за рамки настоящей работы. Упомянем здесь два соображения – по одному на каждый из приведенных выше тезисов.

Первое : ЕС в своей практике неоднократно признавал, что проекты, диверсифицирующие маршруты поставки газа из существующих источников, повышают энергетическую безопасность ЕС.

Такого рода оценки содержатся в решениях об инвестиционно-стимулирующих изъятиях для новых инфраструктурных проектов*[20](#), и находят отражение в списках проектов «общего интереса», в число которых входит, например, «Галси» – проект, диверсифицирующий маршруты доставки газа из существующего источника – Алжира.*[21](#)

Второе : ставка на сохранение Украины в качестве транзитного коридора для транспортировки в ЕС российского газа делается в условиях объективно растущих (особенно, начиная с 2014 года) транзитных рисков на территории этой страны, к которым относятся:*[22](#)

- Отсутствие необходимых инвестиций в поддержание и модернизацию изношенной газотранспортной системы.
- Снижение уровня физической безопасности объектов энергетической инфраструктуры.*[23](#)
- Принятие закона, позволяющего вводить запрет на транзит российского газа.*[24](#)
- Принятие закона, запрещающего российские капиталовложения в газотранспортную систему, и делающего невозможным реализацию «трехстороннего консорциума» по управлению украинской газотранспортной системой.*[25](#)
- Принятие административных мер, направленных на значительное повышение ставки за транзит газа в одностороннем порядке,*[26](#) и наложение санкций на российского поставщика газа за якобы имеющее место злоупотребление доминирующим положением «на рынке транзита газа Украины».*[27](#)
- Многомиллиардные арбитражные процессы между «Нафтогазом Украины» и «Газпромом», ведущиеся с 2014 года по условиям поставки и транзита газа, и кризис доверия между

указанными сторонами.

То, что Комиссия, невзирая на эти обстоятельства, выступает за сохранение Украиной статуса «важного транзитного государства», показывает, что ее мотивация лежит в плоскости иной, чем обеспечение надежных поставок газа европейским покупателям. По мнению экспертов Оксфордского института энергетических исследований С. Пирани и К. Яфимавай, «политическая повестка ЕС включила сохранение за Украиной роли транзитера газа отчасти для того, чтобы обеспечить продолжающееся получение Украиной платежей от «Газпрома» за транзитные услуги (очень необходимые для страны с истощенным бюджетом), и отчасти для того, чтобы Украина поддерживала реверсивные потоки газа в той степени, в которой приобретение больших объемов российского газа остается коммерчески и политически непривлекательным для Киева».*28

Требует ли закон проводить оценку политической целесообразности проекта?

Действующее законодательство ЕС не требует проведения оценки инфраструктурных проектов на политическую целесообразность. Следовательно, с правовой точки зрения, в настоящее время возможности реализации новых инфраструктурных проектов, включая «Северный поток - 2», не зависят от наличия, отсутствия или характера «политической оценки».

В связи с этим возникает вопрос о перспективах внедрения в *будущее законодательство ЕС* требования проведения оценки политической целесообразности новых инфраструктурных проектов.

Для ответа на него следует проанализировать, прежде всего, те законодательные предложения, которые разрабатываются в целях наполнения инициативы Энергетического союза правовым содержанием.

В начале 2016 года Комиссия опубликовала пакет предложений, которые, среди прочего, предусматривают расширение ее полномочий в энергетической сфере за счет наделения ее правом предварительной проверки на соответствие законодательству ЕС проектов международных энергетических соглашений государств-членов ЕС с третьими странами.*29 При осуществлении этой функции Комиссия хочет получить «возможность обращать внимание на цели энергетической политики ЕС и принцип солидарности между государствами-членами, а также на политические позиции, закрепленные в заключениях Совета ЕС и Европейского Совета».*30

Испрашиваемое Комиссией право обращать внимание на (i) цели энергетической политики ЕС, (ii) принцип солидарности и (iii) политические позиции Совета ЕС и Европейского Совета, представляется довольно расплывчатым, неопределенным, и не порождающим обязанность государств-членов ЕС следовать мнению Комиссии.

Тем не менее, анализ предложенных Комиссией ориентиров заслуживает внимания.

В отличие от целей Энергетического союза, которые, как показано выше, не определены даже

в декларативных стратегических документах, *цели энергетической политики ЕС* установлены в статье 194 (1) ДФЕС. В их число входят: обеспечение функционирования энергетического рынка; обеспечение надежности поставок энергии в ЕС; продвижение энергоэффективности, энергосбережения и развитие новых, возобновляемых форм энергии, а также развитие соединений между энергетическими сетями.

В свою очередь, *принцип солидарности* применительно к энергетическому сотрудничеству в ДФЕС не закреплен. Статья 194 (1) ДФЕС содержит лишь ссылку на то, что цели энергетической политики ЕС должны достигаться «в духе солидарности между государствами-членами». Указанная оговорка о солидарности, включенная в ДФЕС по настоянию ряда государств Восточной Европы, сформулирована не как правовой принцип, а как декларативное положение, лишенное нормативного содержания.*31 По мнению К. Талуса, «общая, открытая и преимущественно политическая природа ссылки на солидарность в ДФЕС подразумевает, что она будет иметь ограниченное юридическое воздействие».*32 Тот факт, что Комиссия предлагает назвать солидарность принципом, не наполняет это понятие субстантивным содержанием. В то же время, представляется вполне реалистичным, что в рамках инициативы Энергетического союза юридическое наполнение оговорки о солидарности будет ограничено введением механизма взаимопомощи государств-членов при чрезвычайных ситуациях с поставками газа.*33

Наконец, *политические позиции Совета ЕС и Европейского Совета*, на которые Комиссия ссылается в качестве третьего ориентира, формулируются, как правило, в заключениях, принимаемых по итогам заседаний этих институтов.

Следует подчеркнуть, что испрашиваемое Комиссией право обращать внимание государств-членов ЕС на указанные выше политико-правовые ориентиры возникает *исключительно в контексте предварительной проверки международных энергетических соглашений государств-членов с третьими странами*. Таким образом, это право, если и будет предоставлено Комиссии, никак не должно затронуть инфраструктурные проекты (включая «Северный поток - 2»), по которым не предполагается заключение соответствующих международных соглашений.*34

Представляется, что сформулированная в пакете законодательных предложений «запросная позиция» Комиссии является относительно скромной, поскольку учитывает объективные ограничители предметной компетенции ЕС в энергетической отрасли, вытекающие из учредительных договоров, которые признают широкие суверенные права государств-членов ЕС в области энергетики.*35

Показательно, что и действующее вторичное законодательство ЕС именно государствам-членам отводит центральную роль в регулировании сетевого планирования и строительства, а также сертификации операторов энергетических систем на своих территориях, оставляя за институтами ЕС и иными наднациональными структурами преимущественно консультативные функции по данным вопросам.*36

Выводы

Действующее законодательство ЕС не требует проведения оценки инфраструктурных проектов на политическую целесообразность (соответствие целям/принципам энергетической политики ЕС и/или Энергетического союза).

Следовательно, с правовой точки зрения, в настоящее время возможности реализации новых инфраструктурных проектов, включая «Северный поток – 2», не зависят от наличия, отсутствия или характера «оценки политической целесообразности».

При этом в рамках дискуссии о политической целесообразности проекта существуют убедительные, основанные, в том числе, на правоприменительной практике, аргументы, подтверждающие позитивный эффект «Северного потока – 2», на надежность поставок газа.

На повестке дня не стоит вопрос о делегировании Европейскому Союзу новых полномочий, позволяющих на наднациональном уровне определять политическую целесообразность инфраструктурных проектов *как условие их практической реализации* .

Законодательные инициативы в рамках реализации стратегии Энергетического союза демонстрируют достаточно осторожное отношение к расширению полномочий ЕС в энергетической отрасли. Этот подход учитывает лимиты компетенции интеграционного образования, очерченные в учредительных договорах, и не посягает на широкие суверенные полномочия государств-членов ЕС в области планирования и развития энергетической инфраструктуры на своих территориях.

Таким образом, при переводе инициативы Энергетического союза в правовую плоскость наблюдается гораздо более взвешенный подход, чем в тех громких политических заявлениях, направленных против проекта «Северный поток – 2», которые нередко преподносятся «под лозунгом» Энергетического союза.

*Иван ГУДКОВ,
к.ю.н., доцент кафедры правового регулирования ТЭК
МИЭП МГИМО МИД России*

Настоящая статья отражает личную точку зрения автора и не представляет официальную точку зрения какого-либо учреждения или организации.

*1 «Газпром», BASF, E. ON, ENGIE, OMV и Shell подписали Соглашение акционеров проекта «Северный поток – 2». // Газпром. 04.09.2015. <http://www.gazprom.ru/press/news/2015/september/article245799/>

*2 Аргументы, обосновывающие позитивные рыночные и экологические эффекты «Северного потока – 2» тезисно изложены в выступлении главы Газпрома А. Миллера на панельной сессии «Геоэкономика крупных инфраструктурных проектов» Петербургского международного экономического форума» 16.06.2016. <http://www.gazprom.ru/press/news/miller-journal/276873/>

*3 Beckman K. Can Nord Stream 2 be stopped? // energypost.eu 14.04.2016.

[*4](#) Сторонники проекта приводят аргументы против применимости к проекту ТЭП, см. Lissek U. Regulation of Nord Stream 2: Rule of law, equal treatment and due process. A view from the project developer // CEPS Commentary. November, 2016. Противники проекта обосновывают применимость к нему ТЭП, см. Riley A. Nord Stream 2: A Legal and Policy Analysis // CEPS Special Report No.151. November, 2016.

[*5](#) Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC.

[*6](#) Gurzu A. Legal opinion undermines EU's ability to block Nord Stream pipeline // Politico. 07.02.2016.

Krukowska E. Russian Gas Link Extension May Face EU Law Compliance Risk. // BloombergBusiness. 04.02.2016.
<http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-04/russian-nord-stream-2-gas-link-may-face-eu-law-compliance-risk>

[*7](#) Директорат по энергетике счел, что «вопрос о том, должна ли имеющаяся гибкость быть истолкована широко и/или должны ли для проекта быть испрошены изъятия из энергетических правил ЕС, или должен ли ЕС настаивать на полном выполнении права ЕС, является в большей степени политическим, нежели правовым». Krukowska E. Russian Gas Link Extension May Face EU Law Compliance Risk. //BloombergBusiness. 04.02. 2016.
<http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-04/russian-nord-stream-2-gas-link-may-face-eu-law-compliance-risk>

[*8](#) A. Gurzu German regulator at odds with Brussels over Nord Stream 2 // Politico. 08.03.2017.
<http://www.politico.eu/pro/german-regulator-at-odds-with-brussels-over-nord-stream-2/>

[*9](#) Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “State of the Energy Union 2015”. 18.11.2015 // COM(2015) 572 final.P.11.

[*10](#) European Council meeting (17 and 18 December 2015) – Conclusions. P.7.

[*11](#) Communication from the Commission “A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy”. 25.02.2015. // COM (2015) 80 final См. подробнее Гудков И.В. Каким будет Европейский энергетический союз? // Нефть, газ, право. 2015. №2.

[*12](#) Communication from the Commission to the European Parliament and the Council “European Energy Security Strategy”. 28.05.2014. // COM (2014) 330 final. P.2. В данном Сообщении Комиссия назвала «самым острым вопросом надежности энергетических поставок» (“the most pressing energy security of supply issue”) для ЕС «сильную зависимость от единственного внешнего поставщика газа», под которым понимается Россия. Хотя критерии «сильной зависимости» в Сообщении прямо не названы, Приложение №1 к нему озаглавлено «Зависимость от газовых поставок из России» и в нем указано, что для шести государств-членов ЕС (Болгарии, Словакии, Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии) Россия является единственным поставщиком газа, а для восьми государств-членов ЕС (Австрии, Венгрии, Германии, Греции, Италии, Польши, Словении и Хорватии) доля российских поставок газа

равна или превышает 40%, – порог рыночного доминирования, которым руководствуется Комиссия в антимонопольных делах.

[*13](#) Sefcovic: Nord Stream is not in conformity with the Energy Union's goals. // Euractiv. 11.02.2016. <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/interview/sefcovic-nord-stream-is-not-in-conformity-with-the-energy-union-s-goals/>

[*14](#) SPEECH/15/5797 Commissioner Arias Canete at the European Parliament Plenary: opening and concluding remarks. Strasbourg. 07.10.2015.

[*15](#) Beckman K. Can Nord Stream 2 be stopped? // energypost.eu 14.04.2016. P.1.

[*16](#) European Parliament resolution of 21 January 2016 on Association Agreements / Deep and Comprehensive Free Trade Areas with Georgia, Moldova and Ukraine (2015/3032(RSP). Para 41.

[*17](#) Seven EU countries oppose Nord Stream // Euractiv. 30.11.2015. <http://www.euractiv.com/sections/energy/seven-eu-countries-oppose-nord-stream-319933>

[*18](#) EU leaders sign letter objecting to Nord Stream-2 gas link // UK. Reuters. 16.03.2016. <http://uk.reuters.com/article/uk-eu-energy-nordstream-idUKKCN0W11YV> В число стран, подписавших письмо, вошли Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия и Эстония. Из них Венгрия, Румыния, Словакия и Чехия являются государствами-транзитерами российского газа.

[*19](#) Брюссель задул в украинские трубы. Еврокомиссия против новых проектов «Газпрома» // Коммерсант. 16.07.2015.

[*20](#) В решении об исключении «Набукко» указано: «даже если газопровод будет полностью использован для поставок газа из России, это *также будет означать улучшение надежности поставок газа* с технической точки зрения, так как появится дополнительный маршрут на рынок» (Commission exemption decision on the Bulgarian section of the Nabucco pipeline of 20.04.2009. Brussels, SAB D(2009). Para 49). В решении об исключении «ОПАЛ» указано, что данный проект улучшает надежность поставок, поскольку «напрямую подсоединяется к...Северному потоку,... - проекту..., представляющему собой совершенно новый маршрут поставок газа в ЕС в обход третьих стран» (Decision of the Commission on OPAL pipeline of 12.06.2009. Para.27). В одном из последних по времени принятия решения об исключении интерконнектора «Словакия-Венгрия» от 2013 года указано, что данный трубопровод улучшит надежность поставок газа, поскольку «не только предоставит доступ к западноевропейским рынкам, но также откроет новый транспортный маршрут, диверсифицируя существующие каналы транспортировки» (Commission exemption decision of the Slovakian-Hungarian natural gas interconnector from ownership unbundling rules in Article 9 of Directive 2009/73/EC of 17.09.2013. Paras 20,22).

[*21](#) Commission Delegated Regulation (EU) 2016/89 of 18 November 2015 amending Regulation (EU) No 347/2013 of the European Parliament and of the Council as regards the Union list of projects of common interest // OJ L 19/1.

[*22](#) О растущих транзитных рисках на территории Украины см. S. Pirani, K.Yafimava. Russian Gas Transit Across Ukraine Post-2019: pipeline scenarios, gas flow consequences, and regulatory

constraints. OIES PAPER: NG 105, February 2016. См. также Конопляник А.А. Механизмы минимизации транзитных рисков при газовых поставках из России через Украину в ЕС: аргументы суверенной страны-экспортера и мотивы оппонентов.

Выступление на Международной конференции «Технологические вызовы: управление рисками в нефтегазовой отрасли», Москва, Аналитический центр при Правительстве РФ, 6 октября 2016 года

// <http://www.konoplyanik.ru/speeches/161006-Konoplyanik-FIEF%20Risk%20Management%20Conference-expanded.pdf>

[*23](http://www.nytimes.com/2014/06/18/world/europe/ukraine-suspects-terrorism-in-pipeline-explosion.html?_r=0) Ukraine Suspects Terrorism in Pipeline Explosion. // New York Times. 17.06.2014. http://www.nytimes.com/2014/06/18/world/europe/ukraine-suspects-terrorism-in-pipeline-explosion.html?_r=0 Crimea 'should be cut off from power supplies,' says senior Ukrainian minister. // Telegraph. 23.11.2015.

<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/12012247/Crimea-should-be-cut-off-from-power-supplies-says-senior-Ukrainian-minister.html>

[*24](http://naftogaz-europe.com/article/ru/rtyruui) Киев принимает закон, разрешающий санкции против России. // Naftogaz - europe. 19.08.2014. <http://naftogaz-europe.com/article/ru/rtyruui>

[*25](http://www.interfax.ru/world/391360) Парламент Украины принял закон о реформировании управления ГТС. // Интерфакс. 14.08.2014. <http://www.interfax.ru/world/391360>

[*26](http://www.rbc.ru/economics/19/01/2016/569e44469a7947824cf9a810) Украина повысила ставку транзита для «Газпрома» в полтора раза. // РБК. 16.01.2016. <http://www.rbc.ru/economics/19/01/2016/569e44469a7947824cf9a810>

[*27](http://www.gazeta.ru/business/2016/01/22/8035217.shtml) Украина штрафует «Газпром». Киев выставил «Газпрому» антимонопольный штраф на \$3,4 млрд. // Газета. Ру. 22.01.2016. <http://www.gazeta.ru/business/2016/01/22/8035217.shtml>

[*28](http://www.oies.org/papers/NG105) S.Pirani, K.Yafimava. Russian Gas Transit Across Ukraine Post-2019: pipeline scenarios, gas flow consequences, and regulatory constraints. OIES PAPER: NG 105, February 2016. P.21.

[*29](http://www.oies.org/papers/NG105) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council concerning measures to safeguard the security of gas supply and repealing Regulation (EU) No 994/2010 // COM(2016) 52 final 2016/0030(COD); Proposal for a Decision of the European Parliament and of the Council on establishing an information exchange mechanism with regard to intergovernmental agreements and non-binding instruments between Member States and third countries in the field of energy and repealing Decision No 994/2012/EU // COM(2016) 53 final 2016/0031 (COD). См. подробнее Гудков И.В. Новые предложения Европейской комиссии по регулированию отношений в сфере надежности поставок газа и международного энергетического сотрудничества // Интернет-журнал «Вся Европа». 2016. №9(113).

[*30](http://www.oies.org/papers/NG105) Proposal for a Decision of the European Parliament and of the Council on establishing an information exchange mechanism with regard to intergovernmental agreements and non-binding instruments between Member States and third countries in the field of energy and repealing Decision No 994/2012/EU // COM(2016) 53 final 2016/0031 (COD). Recital 6.

[*31](http://www.oies.org/papers/NG105) Andoura S. Energy Solidarity in Europe: from Independence to Interdependence. Jacques Delors

Institute. June, 2013, pp. 30–33.

[*32](#) K. Talus. EU Energy Law and Policy. A Critical Account. / Oxford University Press. 2013. P.280.

[*33](#) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council concerning measures to safeguard the security of gas supply and repealing Regulation (EU) No 994/2010 // COM(2016) 52 final 2016/0030(COD)

[*34](#) По «Северному потоку - 1» международное соглашение не было заключено, и из публичных источников не известно о планах заключения международного соглашения по «Северному потоку - 2».

[*35](#) Подробнее см. Гудков И.В. Компетенция Европейского союза по регулированию отношений в энергетической сфере // Международное экономическое право. 2016. №1.

[*36](#) Так, именно на уровне государств-членов разрабатываются национальные десятилетние планы сетевого развития (“ten-year network development plans”), подлежащие ежегодному обновлению. Эти планы содержат информацию об объектах системы транспортировки, которые необходимо построить или модернизировать; сведения о принятых инвестиционных решениях; сроки осуществления инвестиционных проектов. Решения о сертификации операторов систем транспортировки газа и электроэнергии также принимаются национальными регулирующими органами.